

ОСНОВНЫЕ ЭТОСЫ ИРЛАНДСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НА РУБЕЖЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Рассматриваются основные социокультурные идентичности в Ирландии на рубеже Нового времени (начало XVI в.), сложившиеся в результате взаимодействия автохтонного и англо-нормандского и английского элементов в период Средневековья. На основании проведенного исследования источников делается вывод о существовании четырех типов идентичности, которые легли в основу сформировавшихся в Новое время «католической» и «протестантской» наций Ирландии, а именно: «дикие» ирландцы (гэлы), «деградировавшие» англичане, «преданные католики» и «новые» англичане. Даны их существенные признаки и примеры реализации коммуникативных социальных практик. В основе сложившейся социальной эксклюзии лежат в первую очередь такие признаки, как религия, политические институты, законы, образ жизни и внешний вид. Статья может послужить фундаментом для дальнейшего изучения особенностей трансформации упомянутых социокультурных типов в современные нации, следовательно, и для выявления фундаментальных категорий взаимной идентификации, определивших характер англо-ирландских взаимоотношений вплоть до нашего времени.

Ключевые слова: Ирландия; история; Пейль; идентичность; Тюдоры; колониализм; этосы идентичности; XVI в.; Новое время.

This article explores the main sociocultural identities in Ireland during the sixteenth century. Focusing on the relations between autochthonous, Anglo-Norman and English ethnic elements during the period of the Middle Age. The author draw a conclusion about the four main identities in Ireland that at the Early Modern Age transformed into the concepts of the two nations: «catholic» and «protestant». These medieval identities are the «wild» Irish, the «degenerated» English, and «faithful Catholics» of the English nation and the «new» English. National and religious identification processes can be seen as the basis of the conflict in Ireland, and over the course of the conflict, preferred social and political identities became increasingly oppositional and entrenched. Social exclusion in Ireland based on religion, politics institutions, law, mode of life and dressing, etc. All these elements form the way of identification among ethnic groups of Ireland and the practices of communication between them.

Key words: Ireland; history; Pale; identity; Tudor; colonialism; ethe of identity; 16th century; early Modern.

Принято считать, что этнические и национальные идентичности средневековой и ранне-модерной Европы определялись и манифестировались в категориях территории, династии и государства, религии, особой культуры, присущей тому или иному народу¹. И только в Новое время добавилась категория языка. Данная статья основывается на рабочей гипотезе, согласно которой в Ирландии, начиная с XII в. (период первого, англо-нормандского завоевания), складываются социокультурные категории и стереотипы, основанные на «знании» о «себе» и «других», объективированном в конкретных практиках и нормах межэтнического взаимодействия. Это знание и есть «идентичность». И как всякое социальное знание, оно дискурсивно в силу предзаданности парадигмы, в которой актуализируется и оформляется.

Самосознание ирландского народа формировалось в первую очередь как результат продолжительной борьбы местного населения против проникновения англичан, как ответ на попытки английских властей англоизировать ирландцев. Это привело к оформлению «границ» между национальностями. Как правило, в идентификации сообществ Ирландии определяющее значение придается конфессиональной принадлежности. В Англии данный фактор актуализировался церковными реформами Генриха VIII, проводимыми во второй половине XVI в. В этот период институционально закрепляется дихотомия «католик – протестант», легшая в основу манифестации и «католической ирландской нации» и «протестантской нации Ирландии». Однако интерпретация категорий идентичностей в данном случае осложняется тем, что двухчастное деление по религиозному принципу в Ирландии не соответствовало этнической структуре населения. К тому же интерпретация не принимает в расчет англичан-католиков (потомков англо-нормандских завоевателей и переселенцев XII–XIII вв.), «границы» идентичности которых отделяли носителей и от собственно «новых» англичан и от «старых» ирландцев.

Эпоха Тюдоров ознаменовала начало нового этапа экспансии Англии в Ирландии. Политика английских властей этого периода характеризовалась новыми институциональными и идеологическими основаниями, легшими в основу серии реформ в Ирландии (религиозных, фискальных, административных). Второе завоевание Ирландии, начавшееся спустя четыре столетия после первого вторжения англо-нормандских феодалов на остров, стало государственной программой английского абсолютизма. Она позволила остановить процесс упадка средневековой колонии, а также устранить угрозу со стороны местного населения, повысить королевские доходы и обеспечить трансляцию английского этоса. Фоном для реформ выступали специфические межэтнические связи и взаимодействия, из которых в процессе модернизации выкристаллизовывалось национальное самосознание основных этнокультурных групп региона.

Ирландия в рассматриваемый период, как правило, не воспринималась как целостная политическая единица. Английские источники начала XVI в. упоминают три обособленных «поли-

тических» сообщества Ирландии: «королевских подданных» (the Kinges subjects), «английских мятежников» (Englyshe rebels) и «ирландских врагов» или «диких ирландцев» (Kinges Iryshe enymyes, wylde Iryshe). В основе данной классификации лежат два принципа: происхождение подданных и характер правовых норм. Территория, на которую распространялись английские законы, как правило, в Позднем средневековье и раннем Новом времени называлась «Пейлем» (the Pale – от лат. palus: столб изгороди, межевой столб). Здесь проживало различное по своему происхождению население: преимущественно потомки смешанных браков, норманнов и англо-нормандских переселенцев, «большинство ирландского происхождения, ирландского обычая и ирландского языка»². К «английским мятежникам» относились более 30 «великих земель английского благородного народа», которые «следуют ирландскому порядку, и каждый из них воюет и заключает мир друг с другом без санкции короля или иного лица, и пользуется правом сильнейшего»³. И наконец, остальная часть острова – 60 (великих) земель «королевских ирландских врагов», правители которых называют себя королями на своем языке, а также князьями, герцогами или великими герцогами. «Их власть основана только на силе, и каждый из этих правителей ведет войну и заключает мир по своей воле... и не признают высшей юрисдикции в своих владениях, и не подчиняются никому из англичан или ирландцев, кроме тех, кто может подчинить их силой. Сыновья их не наследуют своим отцам, если не являются сильнейшими из своего народа, так что нет ни одного правителя, [правлящего] согласно законному наследованию, но только по собственной силе или избранию. И они раздают свои земли своим людям на их содержание... в обмен на службу за свой счет. Есть у них короли и вожди; король правит землей, а вождь – армией, и часто вождь был могущественнее короля, «подобно тому, как во время осады Трои Гектор не был царем, но был вождем для многих царей»⁴.

В ирландских источниках рассматриваемого периода отсутствует, по сути, идея централизованного государства, а концепт верховной королевской власти носит скорее символический, чем институциональный, характер. Свободное население в ирландских юридических трактатах обозначалось понятием «фении». В других сочинениях использовался этноним «гэлы», заимствованный из валлийского языка. Реже использовались этнонимы «улады», жители Ольстера; «галейоны» или «лагены», жители Лейнстера, как отличные от «фениев» народы⁵. Согласно «Книге захватов Ирландии», окончательно скомпилированной к концу XII в., страна пережила 5 волн вторжений, последним из которых был приход легендарных «милезиан», завоевавших остров, и власть над жившими там «народами», которые наделялись низшим статусом⁶. В наиболее ранней редакции (VIII в.) только «коннахты» и «эоганахты» относились к потомкам Милля; в позднейших же редакциях «исправленные» родословные приобрели и другие династии местного значения, пока число «покоренных» не свелось к нескольким незначительным племенам-данникам⁷.

На протяжении VIII–XII вв. в Ирландии шел процесс формирования феодального общества, утверждалась идея «верховой королевской власти», которая постепенно вытесняла прежнюю систему племен-королевств. Однако титул «верховный король» (ard-ri), который приписывался некоторым ирландским правителям с IX по XII в., не приобрел формального правового статуса и не упоминается ни в одном правоведческом трактате. По этому поводу Гиральд Камбрийский, автор первого описания Ирландии и свидетель колонизации острова англо-нормандскими феодалами в конце XII – начале XIII в., высказывается следующим образом: «Эти короли достигают власти над всем островом не посредством какой-либо церемонии коронации или обряда посвящения или даже не по праву наследования или порядку преемственности, но только силой и оружием. Они становятся королями каждый своим путем»⁸. Процесс становления концепции верховной власти в Ирландии в XI–XII вв. сопровождался развертыванием широкого реформаторского движения внутри ирландской католической церкви, носившего характер модернизации в духе «григорианских» идей. Его начало было связано с прибрежным регионом, где четыре городских центра (Дублин, Уэксфорд, Уотерфорд и Лимерик) с населением преимущественно норманнского и смешанного происхождения стали епархиальными центрами, подчинявшимися примасу Англии. Это были первые церковные территориальные единицы, организованные по «континентальному» образцу⁹. В остальной части Ирландии церковь традиционно управлялась не епископами, а аббатами монастырей, носившими титул «Coarb» и передававшими свой пост в пределах представителей одного рода. К XII в. идея реформ получила поддержку авторитетных иерархов церкви внутри Ирландии, в Англии, Риме, а также местных политических вождей. Результатом работы синодов 1101, 1111 и 1152 гг. стала институциональная реформа церкви: прежняя основная организационная единица – монастырская община (familia), соответствовавшая «фине» (большой семье),

являвшейся субъектом ирландского права, заменялась системой диоцезов (административно-территориальная единица во главе с епископом). Диоцезы равномерно распределялись между двумя архиепископствами: Кашеля и Армы. Архиепископ Армы являлся примасом всей Ирландии. Реформаторы также предприняли ряд шагов, направленных на приближение норм ирландской церкви к каноническим, в частности, в вопросах относительно браков между близкими родственниками, вступления в брак духовенства, разводов, иммунитета духовенства от мирских судов. В Ирландии стали появляться монашеские ордена, а связи с Римом приобрели регулярный характер.

В целом следует отметить, что ни политические, ни церковные преобразования так и не привели к распространению в Ирландии общеевропейских политико-правовых, социальных и церковных норм. В связи с этим на протяжении XII–XVI вв. и социальные, и духовные практики автохтонного населения Ирландии воспринимались в Англии и на континенте как нарушение общепринятых норм христианского мира. Отсюда и проявившаяся в англо-ирландских отношениях уже с XIII в. политика взаимной эксклюзии. С 1272 г. (начало правления в Англии короля Эдуарда I) в течение почти половины столетия ни один ирландец не занимал епископскую кафедру в провинции, подчиненной Дублину. А с другой стороны, ни один англичанин не был епископом в провинции Туам. В двух других провинциях (Арма и Кашель) ситуация была пограничной¹⁰.

Также характерным является и пример «ремонстрации» 1318 г. на имя Папы Иоанна XXII от Домналла О'Нейла, короля Тир Эогайн. Она была написана в период восстания Роберта Брюса за восстановление независимости Шотландии, который, рассчитывая на помощь ирландских князей, направил своего брата Эдуарда в Ирландию. В «ремонстрации» Домналл оправдывает признание Эдуарда Брюса королем и просит Папу подтвердить его права на Ирландию. Текст начинается с краткой истории Ирландии, призванной обосновать политическую независимость страны как до, так и после принятия христианства. Далее автор отмечает, что в 1170 г. ирландцы попали в рабство, когда английский король Генрих II, виновный в убийстве архиепископа Кентерберийского Томаса Беккета, обманом убедил Папу Адриана IV (англичанин Николас Брейкспир) пожаловать ему Ирландию. Правда, король Англии получал страну в обмен на расширение границ Католической церкви с условием сохранения права инвеституры и юридической автономии духовенства, исправления морали местного населения. Однако ни Генрих II, ни его преемники не смогли выполнить условия пожалования. Напротив, «не только их [англичан] миряне... но и духовенство впали в еретические убеждения, считая, что нет греха в убийстве ирландца, как если бы это было убийство собаки или иного зверя... И более того... некоторые из их монахов убивали ирландцев... и не воздерживались от мессы даже на день»¹¹.

Наиболее отчетливо практика эксклюзии проявилась в Статутах Килкеннийского парламента 1367 г. Они не были первым подобным документом и едва ли могут быть поворотным моментом в истории англо-ирландских взаимоотношений. Вместе с тем здесь был подведен итог предшествовавшим установлениям, которые были закреплены на два столетия вперед, поскольку позднее Статуты не единожды подтверждались, в том числе Генрихом VIII. В них англичанам запрещалось использовать ирландский язык, законы, одежду, имена, способ езды на лошади. Запрещались также смешанные браки, воспитание английских детей ирландцами, а также любые другие семейные или сексуальные отношения с ирландцами¹².

Точно так же право само по себе было средством исключения ирландцев из английского политического пространства. Для англичан население острова было «варварским» и «диким»; и дикость их проявлялась в том, что они «существуют только от своего скота, и сами живут как звери, и не отошли от примитивных условий пастушеской жизни... они презирают труд земледельца и не имеют городов... они отвергают цивилизованные институты и сохраняют образ жизни своих отцов в лесах и на пастбищах, не желая отказаться от своих старых обычаев или узнать что-то новое»¹³. Цивилизованность в представлении англичан была тесно связана с городской жизнью и распространением городского права, из которого было исключено местное население¹⁴. Поэтому колонизация сопровождалась созданием «хартированных» городов в новоприобретенных владениях как средства привлечения переселенцев, поощрения развития коммерции и распространения «цивилизованного» образа жизни. На протяжении XIV – начала XV в. в условиях упадка колонии сообщество Пейля все более представляло себя защитниками истинной веры и английского образа жизни. В это время одним из ключевых элементов идентичности становится концепт «преданных католиков», который дополняли категории «репутация», «честность» и «английскость» (Englishness). К ним относились в первую очередь «граждане Дублина» и жители королевских маноров на юго-запад от города:

Крамлин, Эскер, Ньюкасл Лайонс и Саггарт. Беззаконное поведение и порочные социальные порядки исключали из этой категории как ирландцев, так и «деградировавших» англичан.

Положение данного сообщества в Ирландии определялось исходя из буллы папы Адриана IV «*Laudabiliter*», пожалованной Генриху II. На основании права римского престола, происшедшего из «Константинова дара», она передавала Ирландию английскому королю с целью распространения здесь григорианского канона. Несмотря на позицию ряда исследователей, отказывающих «*Laudabiliter*» в аутентичности, ее значение в колониальном сообществе нельзя недооценивать. Собственно, текст буллы известен по сочинению Гиральда Камбрийского «*Exhugnatio Hibernica*», написанному в 1188 г. Более того, на формирование концепции «преданных католиков» оказала влияние не столько сама булла, сколько комментарии Гиральда¹⁵. Главный посыл автора: английское завоевание Ирландии было санкционировано папой из-за «чудовищных... обычаев этой земли и народа»¹⁶. Со временем данные комментарии приобрели значение оригинального документа, особенно в английских переводах XV в. сочинения Гиральда. И оно еще долго сохраняло актуальность не только в вопросе легитимности завоевания, но и в целом в интерпретации англо-ирландских взаимоотношений. Так, в одном из наиболее авторитетных изданий конца XVI в., «Хрониках Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда (впервые вышли в 1577 г., переизданы в 1587 г.), том, посвященный Ирландии, представлял собой перевод сочинений Гиральда¹⁷. Итогом развития идей, высказанных Гиральдом, стала концепция «миссии» англичан в Ирландии.

Следует отметить, что опасность упразднения английской колонии ирландцами не была воображаемой. На рубеже XV–XVI вв. речь о сохранности английской идентичности могла идти только применительно к 4 графствам (*shires*) вокруг Дублина. Условия, которые имели место в англо-ирландском пограничье и гэльской Ирландии, воспринимались как не соответствовавшие нормам христианского мира. Тем более что к этому времени положение в ирландской церкви не изменилось. Особенно это касалось провинций Арма и Туам, где брак клириков, передача церковных должностей по наследству и династический контроль церковных бенефиций оставались обычной практикой. Подобное положение дел привело к тому, что духовенство Пейля перешло от мессианских идей «*Laudabiliter*» к ортодоксальной и консервативной защите церкви «преданных католиков» от гэльской «порчи»¹⁸. Вероятно, именно консервативность взглядов духовенства Пейля в условиях постоянной угрозы и борьбы за сохранение ценностей английского сообщества привела носителей данного этоса, зародившегося в условиях англо-нормандского завоевания Ирландии (XII–XIII вв.) и оформившегося в период кризиса колонии (XIV–XV вв.), к неприятию любых инноваций или перемен, от кого бы они не исходили.

Однако проявление кризиса колонии не ограничивалось исключительно угрозой подчинения территории Пейля «диким» ирландцам, поскольку такая угроза существовала на протяжении нескольких столетий. Важным фактором были наметившиеся изменения в социальной структуре. Они проявились в первую очередь в процессе вытеснения английских крестьян ирландцами на землях англо-ирландской аристократии, особенно в землях Фицджеральдов, графов Килдар. Этому сопутствовала эволюция политических предпочтений «мятежных англичан», которые, как видно, отказались от английской модели властных отношений в пользу местных институтов. В их основе лежал именно принцип личной зависимости или, скорее, отношения «патрон – клиент». Наибольшего успеха в формировании такой модели взаимоотношений добились графы Килдар, долгое время на рубеже XV–XVI вв. являвшиеся «некоронованными королями Ирландии»¹⁹. В условиях неспособности английской администрации Генриха VIII в начале 1520-х гг. напрямую контролировать Ирландию Томас Уолси, канцлер Англии в 1515–1529 гг., предлагал королю назначить именно Килдара своим наместником, так как тот обладал авторитетом, финансами и армией, чего не мог иметь ни один английский чиновник²⁰. И не случайно тюдоровские реформы в Ирландии начались именно с разгрома дома Фицджеральдов, лишенных земель, имущества и политического влияния²¹.

Английская идентичность, вероятно, в силу своего синтетического характера (как результат смешения племен и народов) уже в Позднем средневековье носит нормативное определение через категории, свойственные «англичанину». Они предполагают определение принадлежности к сообществу не только в силу происхождения, но также через соблюдение ряда конкретных социальных практик и манифестацию внешних признаков. Иной характер идентификации демонстрируют ирландские источники. «Анналы Ольстера», доведенные до 1541 г., упоминают две категории населения Ирландии: «ирландцы» и «чужаки». Под последними понимались в первую очередь жители острова, которые имели неирландское или сме-

шанное происхождение. Здесь упоминаются Мюнстер, Лейнстер, Мит и Дублин, где различаются «чужаки» и «ирландцы». Собственно, англичане именуются «saxons»: «Юстициарий с саксами и иноземцами Мита направился в Тир Эогайн»²².

Таким образом, в начале Нового времени в Ирландии оформились и столкнулись четыре общественные модели, различные по своим социальным и культурным практикам. Первая – английская идентичность, мыслимая в категориях «общего права» и «абсолютистской монархии», которая транслировалась напрямую из Англии. Носителями ее выступало ограниченное число жителей «четырёх графств» в округе Дублина, а также представители королевской администрации. На противоположном полюсе располагалась вторая общественная модель – «дикие ирландцы», чьи обычаи, политические институты и духовные практики представлялись «варварскими» и неприемлемыми. Они несли угрозу цивилизованности, что выражалось в существовании третьей группы – «деградировавших англичан», уподобившихся своим образом жизни и обычаями ирландцам. Они занимали промежуточное положение, поскольку если бы эти «англичане» следовали английским порядкам, то могли бы стать верными подданными короля. Четвертым сообществом, также занимавшим промежуточное положение, были англо-нормандцы, «преданные католики», сохранившие мессианские и цивилизационные представления о своем пребывании в Ирландии и укрепившиеся в идее обороны принципов английского образа жизни от всего нового, откуда бы оно не исходило. На протяжении второй половины XVI в., с разворачиванием реформ и Реформации, границы между идентичностями не столько «изобретались» заново, сколько изменялись в силу уже сложившихся на протяжении Средневековья представлений носителей основных этосов Ирландии о собственной принадлежности, что привело к слиянию указанных сообществ и оформлению двух ирландских наций: «католической» и «протестантской», определивших дальнейшее развитие страны вплоть до настоящего момента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Дмитриев М. В. Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М., 2008. С. 18–19.
- ² State Papers. King Henry the Eighth: 10 vol. / His Majesties Commission. London, 1831–1849. Vol. 1: Pt. I. Correspondence between the King and Cardinal Wolsey, 1518–1530. 1831. P. 8.
- ³ Ibid. P. 6.
- ⁴ Ibid. P. 5–6.
- ⁵ См.: Бирн Ф. Д. Короли и верховные правители Ирландии. СПб., 2006. С. 16.
- ⁶ См.: Lebor Gabhala Erenn. The Book of the taking of Ireland: 4 vol. Dublin, 1938–1941.
- ⁷ См.: Бирн Ф. Д. Указ. соч. С. 22.
- ⁸ The Historical Works of Giraldus Cambrensis / ed. Thomas Wright. London, 1894. P. 154.
- ⁹ См.: St. Bernard of Clairvaux's Life of St. Malachy of Armagh / ed. H. J. Lawlor. London; New York, 1920. P. xx.
- ¹⁰ См.: Watt J. A. The Church and the Two Nations in Medieval Ireland. Cambridge, 1970. P. 149.
- ¹¹ Ibid. P. 188.
- ¹² См.: A Statute of the fortieth Year of Edward III, enacted in a Parliament held in Kilkenny, A. D. 1367, [...] / ed. J. Hardiman // Tracts relating to Ireland, printed by Irish Archaeological Society. Dublin, 1841. Vol. 2.
- ¹³ The Historical Works of Giraldus Cambrensis / ed. Thomas Wright. London, 1894. P. 124.
- ¹⁴ См.: Lilley K. D. Imagined geographies of the «Celtic Fringe» and the cultural construction of the «others» in Medieval Wales and Ireland // Celtic geographies. Old culture, new times / ed. D. C. Harvey, R. Jones, N. McInroy, C. Milligan. London, 2002. P. 21–36.
- ¹⁵ См.: Murray J. Enforcing the English Reformation in Ireland. Clerical Resistance and Political Conflict in the Diocese of Dublin, 1534–1590. Cambridge, 2009. P. 27.
- ¹⁶ The Historical Works of Giraldus Cambrensis... P. 261–262.
- ¹⁷ См.: Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 435.
- ¹⁸ Murray J. Op. cit. P. 54–66.
- ¹⁹ Curtis E. A History of Ireland. London, 1961. P. 147.
- ²⁰ См.: State Papers... Vol. 2: Correspondence between the Governments of England and Ireland, 1515–1538. 1834. P. 78.
- ²¹ См.: Brady C. The Chief Governors. The rise and fall of reform government in Tudor Ireland, 1536–1588. Cambridge, 1994. P. 23.
- ²² Annals of Ulster. Annals of Senat; A Chronicle of Irish Affairs: A. D. 431–1131:1155–1541: 4 vol. / William M. Hennesy [and etc.]. Dublin, 1887–1901. Vol. IV. P. 584, 585.

Поступила в редакцию 29.05.13.

Александр Дмитриевич Бабореко – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Н. Е. Орлова.